

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Прецеденты Европейского суда по правам человека и проблемы реализации принципа презумпции невиновности

*Абдрашитов В.М.**

Конституция Российской Федерации 1993 года не только предоставила право и гарантии на судебную защиту прав и свобод человека, но и указала на то, что указанные свободы могут быть защищены в международных судебных органах по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся средства внутригосударственной правовой защиты (статья 46), при соблюдении всех обязательных принципов, гарантирующих справедливое судопроизводство.

С мая 1998 года такая возможность защиты прав и свобод стала реальностью, основанной на положениях как национального, так и европейского права, и, как следствие, справедливое судебное разбирательство и истина стали вполне достижимы.

Статьи 6 и 13 Конституции РФ возлагают на государство ряд комплексных обязательств, включающих в себя в первую очередь создание и обеспечение системы жестких и эффективных средств и механизмов защиты прав и свобод путем формирования и контроля за деятельностью беспристрастных судов, полностью независимых от какого бы то ни было влияния и соблюдающих принципы состязательности, равноправия сторон и т.п., что, как представляется, вполне может быть достигнуто с учетом проводимой в Российской Федерации в настоящее время административной и судебной реформы. Особо хотелось

* Абдрашитов Вагип Мнирович – к.ю.н., доцент, заведующий, кафедрой международного права и прав человека Волгоградского государственного университета.

бы отметить то обстоятельство, что возникновение и поддержание тесных связей с европейским сообществом и привнесение международных и европейских принципов, целей и норм на благодатную российскую почву уже сейчас дает свои позитивные результаты. Так, Конституционный Суд РФ все чаще в своих решениях проводит идеи Европейской конвенции о правах человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, прямо ссылаясь на статьи и положения конкретных международно-правовых актов, а в последние годы непосредственно на соответствующие решения Европейского суда по правам человека (далее Суд). Решение Конституционного Суда РФ по жалобе В.И. Маслова от 27 июня 2000 года, в котором Конституционный Суд использовал трактовку ст. 6 Конвенции, представленную в целом ряде решений Суда, лишнее тому подтверждение. Напомним, что ст. 6 Конвенции, гарантируя право на справедливое судебное разбирательство, занимает важное координирующее положение в открытом демократическом светском обществе, а ее п. 1 не подлежит ограничительному толкованию, так как в нем перечислены отдельные составные части справедливого судебного разбирательства, главной из которых была и остается реальная возможность для любого человека восстановить нарушенное право.

Понятие «справедливого судебного разбирательства» является центральным в Европейской конвенции, оно определено в ст. 6 данной конвенции, а право на эффективное средство правовой защиты, непосредственно связанное с ним и гарантируемое в ст. 13, имеет с вышесказанным понятием родственную и близкую связь. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в соответствии со ст. 6 понятие «справедливое судебное разбирательство» относится по п. 1 к гражданским и уголовным делам, а по п. 2 и 3 – исключительно к уголовному судопроизводству. Думается, что исходя из толкования положений ст. 6 вытекают (хотя это и не сформулировано прямо, но Суд указывает на это обстоятельство в своих многочисленных решениях) и принцип состязательности, и принцип равноправия сторон, а также такие права и принципиальные положения, как:

- право на независимый и беспристрастный суд, который создан беспристрастно на основании закона;
- право на рассмотрение любого дела судом в разумные сроки;
- право на публичный (открытый) характер разбирательства по делу;

– а также такие правовые начала, как принцип презумпции невиновности и те процессуальные гарантии, без соблюдения которых судебное разбирательство не может быть признано справедливым¹.

Думается, что вытекающая из ст. 6 Конвенции обязанность судов соблюдать принцип презумпции невиновности, состязательности, равенства сторон (в актах Суда можно встретить «принцип равенства процессуальных возможностей участников (сторон) процесса», что, как представляется, сути вещей не меняет) подчеркивается особо и с определенной целью во многих из принятых решений – обвиняемому (и любому лицу) должна предоставляться реальная, эффективная и адекватная, в сравнении с противной стороной, возможность использовать все не запрещенные законом средства и методы процессуальной защиты, а именно:

- опрашивать выступающего против него свидетеля;
- делать возражения, представлять контраргументы противной стороне на любой стадии процесса;
- представлять на обозрение и исследование суду любые законные средства доказывания в рамках публичного слушания с целью гарантирования состязательности и равноправия сторон.

Отдельно хотелось бы затронуть вопрос о доказательствах в Суде. Поскольку ст. 6 не содержит указаний о допустимости доказательств, Суд вправе оценивать доказательства с точки зрения законности их получения и их содержательной значимости, однако он должен решить, была ли процедура в целом справедливой. Решение вопроса о признании допустимыми конкретных доказательств, по мнению Суда, оставлено на усмотрение национального законодателя (эта позиция Суда была указана по делу Шенк против Швейцарии, где в качестве главного доказательства по уголовному делу использовалась магнитофонная запись разговора, полученная незаконным путем)².

В контексте настоящего исследования было бы не лишним остановиться на используемом в Конвенции понятии «разумный срок». Вполне очевидно, что принцип презумпции невиновности, гарантирующий гуманное обращение с человеком, в отношении которого еще не вступил в законную силу приговор суда, включает право на справедливый суд в сроки, достаточные «...для отыскания истины и справедливос-

¹ Дело Ferrazzini против Италии. Европейский суд по правам человека. 2001.

² Шенк против Швейцарии (Shenk v Switzerland). Решение Европейского суда по правам человека от 12 июля 1988 г. Ser. A № 140.

ти по делу...»³, необходимые суду с учетом сложности и конкретных обстоятельств дела. Практика Европейского суда по правам человека достаточно часто указывает на то, что этот временной критерий – «разумный срок» – часто является субъективным и зависит от того, о каком из видов судопроизводства идет речь: административном, гражданском или уголовном, а в связи с этим сама «разумность» срока может варьироваться в зависимости от сложности дела, разработанности законодательства в национальном праве в этой области, поведения жалобщика и другой стороны или даже наличия объективных или особых обстоятельств рассматриваемого дела и критериев, установленных на основании прецедентной практики Суда⁴.

Более того, известен затяжной характер таких дел, как гражданские процессы по делам о наследстве, или, к примеру, дела о банкротстве в рамках арбитражного судопроизводства.

Как справедливо отмечает Высший Арбитражный Суд РФ в своем информационном письме от 20 декабря 1999 года за № С1-7/СМП-1341, «российские механизмы судебного контроля за соблюдением имущественных прав участников экономического оборота в Российской Федерации получили поддержку в виде международного судебного контроля. Это означает, что компетенция арбитражных судов по рассмотрению имущественных споров и компетенция Суда по рассмотрению жалоб на нарушение имущественных прав взаимосвязаны. Связь базируется на необходимости решения единой задачи международного и внутригосударственного судопроизводства – защите имущественных прав частных лиц при надлежащей охране общественного порядка, что вытекает из статьи 6 Европейской конвенции, статьи 1 Протокола 1 к этой конвенции (1952)»⁵. Это, как представляется, окончательно решает вопрос и юрисдикции самого суда⁶, и взглядов отдельных стран на эту комплексную проблему⁷.

Пожалуй, единственное, что можно противопоставить «разумному сроку», так это наличие признанной национальным и международным законодательством чрезвычайной ситуации или так называемо-

³ Джелли против Италии. Европейский суд по правам человека. 2000.

⁴ См. там же.

⁵ Вестник ВАС РФ. 2000. № 2. С.93.

⁶ Корнилина А.А. Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11–12.

⁷ Лоизиду против Турции. Европейский суд по правам человека. 2000.

го форс-мажорного обстоятельства, на которое было указано Судом в связи с длительностью предварительного заключения без судебного надзора, что противоречит положениям ст. 5(3) и 15 Европейской конвенции по правам человека, в рамках дела по подозрению в терроризме по положениям закона Великобритании⁸.

Таким образом, исходя из содержания ст. 6 и 13, в которых речь идет об объеме и определении гражданских прав и обязанностей, а также наличии эффективных средств правовой защиты, а точнее п. 2 ст. 6, где главный акцент делается именно на уголовное судопроизводство, можно вполне обоснованно утверждать, что указание на них является главным доказательством полной и обстоятельной реализации практического характера положений презумпции невиновности.

Думается, что такая конкретизация, а по статистике Суда ссылки на ст. 6 и 13 имеются в каждом втором деле, указывает только на одно: национальным судам необходимо более внимательно и последовательно изучить свое законодательство и прецедентную практику Европейского суда по правам человека, поскольку многочисленные ошибки судей, которые приходится исправлять Суду, в первую очередь базируются на нарушениях собственного, национального законодательства, а уже потом идут вразрез с практикой Европейского суда по правам человека⁹.

В связи с этим необходимо, чтобы все средства судебной защиты прав и свобод граждан должны были доступны и эффективны еще на внутригосударственном, т.е. национальном, уровне. Смею заметить, что это не должно зависеть от того, как они выражены в законодательстве и в какой форме они гарантированы. Под эффективными средствами защиты прав и свобод человека, видимо, следует понимать помимо стандартных еще и тщательное и детальное по своей сути и эффективное по своему характеру расследование административного правонарушения, уголовного преступления, в результате которого будут выявлены и привлечены к ответственности именно виновные лица, т.е. правонарушители, преступники, а не случайные лица, ставшие подозреваемыми в рамках конкретных дел. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что термин «средства эффективной су-

⁸ Дело Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства (Brannigan & McBride v. United Kingdom), Решение Европейского суда по правам человека от 26 мая 1993 г. Ser. A № 258-B.

⁹ Ежегодный отчет Европейского суда по правам человека за 2000 год. С. 236.

дебной защиты» Судом толкуется достаточно широко и многогранно и включает в себя все стадии – от подготовки до постановления окончательного процессуального акта Судом¹⁰.

Вместе с тем стоит отметить, что положение п. 2 ст. 6 Конвенции достаточно редко выступает в качестве реабилитирующего обстоятельства или положения, которое было нарушено внутренним (национальным судом). Гораздо чаще для этого ссылаются на п. 1 и 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека. Думается, что положения презумпции невиновности, непосредственно связанные с бременем доказывания обвинителя, должны быть использованы много чаще как национальными, так и международными судебными органами. Наиболее яркий пример по п. 2 ст. 6 был представлен Судом в 1988 году по делу Барбера, Моссеуга и Джабардо против Испании в связи с фактом убийства каталонского бизнесмена. Представляется, что такое положение вещей не может удовлетворять, поскольку принцип презумпции невиновности, стоящий в одном ряду с принципом состязательности и равенства процессуального положения сторон, должен быть использован чаще в уголовных делах, так как национальные суды вообще не обращают на него достаточно внимания¹¹, что не может не сказаться на уровне правовой защиты, на качестве правосудия и, как следствие, на отношении общественности и каждого отдельно человека к органам правосудия.

Указанное обстоятельство подталкивает к вполне логичному выводу, достойному внимания в сложившейся обстановке: Суду следует не только чаще обращаться к положению п. 2 ст. 6 (т.е. презумпции невиновности), разъясняя смысл и содержание толкуемого понятия, но и, обращая внимание национальных судов на собственные прецеденты, вносить соответствующие предложения в рамках ст. 1 Европейской конвенции по правам человека по модернизации внутрисударственной судебной практики и изменению собственных взглядов и представлений¹², стереотипов, а порой и комплексов относительно такого эффективного средства правовой защиты прав и свобод личности, как принцип презумпции невиновности. Следует указать особо на дела Суда, в которых у судей сложилось особое (индивидуальное) мнение относительно ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, что, как пред-

¹⁰ Дело Кайя против Турции. Европейский суд по правам человека. 1999.

¹¹ Allen D. Russian tomorrow: Justice and Courts. L., Roma. 1999. P.12.

¹² Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000. С. 442.

ставляется, оказало бы существенную помощь в формировании *ratio decidendi* (мотивировок) представлений фактов и обстоятельств дела. Не хотелось бы опускать и то обстоятельство, что Суду для повышения оптимизации и эффективности своей работы следовало бы уже создать сборники прецедентов по определенным категориям дел¹³, как это делается в Великобритании или США, где имеются конкретные указания по делам, непосредственно касающимся такого реабилитирующего основания, как принцип презумпции невиновности.

¹³ Вильдхабер М. Прецедент в Европейском суде по правам человека. М. 2001. С. 6.

Precedents of the European Court of Human Rights and Problems of Implementation of the Principle of Presumption of Innocence (Summary)

*Vagip M. Abdrashitov**

The Constitution of the Russian Federation of 1993 not only provided the right for and guarantee of judicial protection of the rights and freedoms but also indicated that mentioned freedoms can be protected in international judicial bodies guarding human rights if several conditions are met.

In the article provisions of the Russian Constitution, European Convention on human rights, the practice of the Russian Constitutional Court and of the European Court of human rights are analyzed. In the analysis the author dwells on different aspects of the protection of human rights and judicial proceedings on the basis of the aforementioned items. Such notions as just judicial proceedings and the principle of presumption of innocence are being emphasized.

The author concludes that national courts should pay more attention and look more closely at the practice of the European Court of human rights as numerous judges' mistakes, which this Court has to correct are, first of all, breaches of the national laws and only after that they are a contradiction to the practice of the European Court of human rights.

* Vagip M. Abdrashitov – Ph.D. in Law, associate professor, head of the chair of International law and human rights of the Volgograd State University.